

Legal relationship as a logical consequence of a single right of claim (methodological nonsense of a social relationship regulated by a legal norm)

E. Y. Motovilovker¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/2949-3439-2026-3-300-310

Research article
Full text in Russian

This article critiques the traditional dogmatic understanding of legal relations as social relationships regulated by legal norms. The methodological fallacy of this notion is expressed in attributing to the norm, which is the text of the named law, the qualities of a regulatory actor, i.e., the legislator. Knowledge of what the legislator says in the text of a single legal norm, coupled with the understanding that, in constructing such a text, the legislator is engaged in regulation, allows us, on the one hand, to determine that they are regulating the factual situation described in the norm, and on the other, to recognize that, by regulating a situation, the legislator declares it the basis for the occurrence of the legal consequences described in the norm, in particular those that are expressed in the emergence of a right of claim for one party in the situation and an obligation for the other to perform the required action. The author believes that this type of consequence cannot be understood outside the connection between the party involved – the holder of the right of claim and the party involved – the bearer of the obligation to perform the required action, and thus exists within the space of the relationship between them, which is called a legal relationship.

Keywords: legal relationship; obligation; factual situation; parties involved in the situation; subject

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Motovilovker, Evsey Y. | E-mail: jakobs55@rambler.ru
Cand. Sc. (Jurisprudence)

For citation: Motovilovker E. Y. Legal relationship as a logical consequence of a single right of claim (methodological nonsense of a social relationship regulated by a legal norm) // Demidov Law Journal. 2026. Vol. 16, No. 3. P. 300-310. (in Russ.)

Правоотношение как логическое следствие единичного права требования (методологическая бессмыслица урегулированного нормой права общественного отношения)

Е. Я. Мотовиловкер¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2949-3439-2026-3-300-310

УДК 347.1

Научная статья

Полный текст на русском языке

В статье подвергается критике традиционное догматическое понимание правоотношения как общественного отношения, урегулированного нормой права. Методологическая ошибочность такого представления выражается в приписывании норме, являющейся текстом поименованного закона, качества субъекта регулирующей деятельности, коим выступает законодатель.

Знание того, о чем говорит законодатель в тексте единичной нормы права, соединенное с пониманием, что, выстраивая такой текст, законодатель занимается регулированием, позволяет, с одной стороны, определить, что он регулирует описанную в норме фактическую ситуацию, а с другой стороны, осознать, что, регулируя ситуацию, законодатель объявляет ее основанием наступления описанных в норме правовых последствий, и в частности таких, которые выражаются в возникновении у одного фигуранта ситуации права требования, а у другого – обязанности совершить требуемое действие. Автор считает, что данный вариант последствий не может осознаваться вне связи фигуранта – обладателя права требования и фигуранта – носителя обязанности совершить требуемое действие и, таким образом, существует в пространстве отношения между ними, которое и называется правоотношением.

Ключевые слова: правоотношение; обязательство; фактическая ситуация; фигуранты ситуации; предмет

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мотовиловкер, Евсей Яковлевич | E-mail: jakobs55@rambler.ru
Кандидат юридических наук

Для цитирования: Мотовиловкер Е. Я. Правоотношение как логическое следствие единичного права требования (методологическая бессмыслица урегулированного нормой права общественного отношения) // Демидовский юридический журнал. 2026. Том 16, № 3. С. 300-310.

1. Догма о методологическом величии правоотношения. Традиционная юриспруденция вводит категорию правоотношение под знаком *общественного отношения, урегулированного нормой права*.

Очевидно, что этот постулат представляет собой *прямое логическое следствие* другой догмы, которая, по сути, открывает классическую теорию права, где само право понимается, с одной стороны, как социальный регулятор, с другой – как система норм. Речь идет о *первоначальной базовой аксиоме* канонической юриспруденции, согласно которой **норма права регулирует общественное отношение**. По логике этого постулата аналитик неизбежно обнаружит в действительности такое явление, как общественное отношение, урегулированное нормой права, которое и получило в науке название **«правоотношение»**.

Нетрудно умозаключить, что критическое размышление над догматической формулировкой правоотношения требует первым шагом проанализировать *аксиому о регулировании нормой права общественных отношений*. А этот анализ открывает в ее содержании серьезную **методологическую ошибку**.

2. Обнаружение несостоятельности базовой догмы. Поводом усомниться в достоверности догмы «норма права регулирует общественное отношение» являются *два замечания*.

Замечание первое. Регулирование есть *деятельность* и, следовательно, совершается определенным *субъектом*.

Замечание второе. Единичная норма по способу своего внешнего бытия представляет собой определенный *текст поименованного закона*.

Следовательно, утверждение, что *норма регулирует*, предстает утверждением о том, что она является *субъектом регулирующей деятельности*, т. е. **совершенно ошибочным** утверждением. Какой из текста субъект.

3. Начало новой парадигмы. Логика, подчеркивающая недостоверность постулата о регулирующей норме права, выносит на повестку дня *два вопроса*. Во-первых, **кто регулирует**, если не норма? Во-вторых, **какую роль** играет норма в деле регулирования?

Ответы лежат в факте, согласно которому *единичная норма права есть определенный текст закона*. Наличие определенного текста, с одной стороны, указывает на *деятельность* по его написанию, а с другой – на **автора** как *субъекта такой деятельности*.

Следовательно, за нормой права как определенным текстом поименованного закона, с одной стороны, стоит **деятельность по написанию текста** (созданию нормы), которая и является *актом регулирования*, а с другой – пишущий текст нормы **автор – законодатель** (ведь текст закона пишет законодатель), который и **является субъектом регулирующей деятельности**.

Так, *на смену догмы*, согласно которой норма права регулирует общественные отношения, приходит **новое понимание правового регулирования**.

Регулирует не норма, а законодатель. **Норма же, будучи текстом закона, создается законодателем** и, таким образом, является **результатом его регулирующей деятельности**.

Сделаем предварительный вывод. Опровержение базовой догмы о **регулирующей норме права**,

с одной стороны, демонстрирует **логическую ущербность** словесного оборота «общественное отношение, урегулированное нормой права»,

а с другой – приводит к выводу о том, что заложенный в этом словосочетании термин «**правоотношение**» есть *ложный термин, пустое понятие*, т. е. понятие, не имеющее своего референта и не отражающее какого-либо объекта действительности.

4. Поиск правоотношения в парадигме деятельностного подхода к единичной норме права. Дальше возникает вопрос, найдется ли категории правоотношения место в концепции, сменившей догму о регулирующей норме? Обнаружим ли мы в постулате, согласно которому **норма права является результатом регулирующей деятельности законодателя**, новое содержание правоотношения?

4.1. Основополагающие тезисы. Очевидно, *отвечая* на эти вопросы, необходимо первым делом логически *развернуть* саму аксиому, отнестись к ней как к началу рассуждения и последовательно, шаг за шагом сформулировать *вытекающие из нее тезисы*. Сделаем это.

Тезис первый. Норма права как внешний объект действительности представляет собой определенный **текст поименованного закона** и, таким образом, *не является* субъектом регулирующей деятельности. Этим *субъектом* выступает **законодатель** как *автор* образующего норму текста.

Тезис второй. Занимаясь регулированием, законодатель создает **единичную норму права**, т. е. пишет определенный текст, который, следовательно, является **результатом** акта законодательного регулирования.

Тезис третий. Факт, согласно которому **норма гражданского права** есть написанный **законодателем текст о з н а ч е т**, что, занимаясь регулированием, он

а) что-то *говорит*, б) о чем-то **высказывается**, т. е. в) *обращается* к лицам с определенной **информацией**.

Таким образом, единичная норма права, являясь *текстом закона* лишь по **форме**, имеет своим **содержанием** определенное **высказывание законодателя**, которое он стремится **донести** до каждого лица.

Тезис четвертый. Выходит, занимаясь **регулированием**, законодатель не делает ничего другого, кроме как **строит определенное высказывание**. Следовательно, для того чтобы решить вопрос о том, **что регулирует** законодатель, создавая текст нормы, **как он регулирует** это «что» и какую **цель при этом** преследует, необходимо *провести обобщающий анализ* текстов единичных норм и, выясняя, **о чем говорит** законодатель, выработать **формулу нормативного высказывания**, которая и позволит определить **предмет** и **метод**, точнее, **способ** законодательного регулирования.

4.2. Обобщающая формула единичной нормы права. Такой анализ разнообразных норм показывает, что **формула** образующего **единичную** норму гражданского права **высказывания законодателя** выглядит следующим образом.

«Если, – говорит гражданский законодатель в тексте *единичной нормы*, – *случится* описанная мной **фактическая ситуация**, скажем, ситуация *заключения договора аренды или обнаружения клада*,

то на этом **основании**

а) для выделенных мною *фигурантов ситуации* **будут наступать** определенные **правовые последствия**,

б) т. е. у определенного фигуранта **будет возникать единичное право**, которое я описываю *различным образом* и которое, следовательно, имеет **разные контексты своего описания**.»

4.3. Конкретизация формулы. Обобщающий анализ текстов единичных норм гражданского права позволяет выделить *четыре варианта* законодательного описания **права фигуранта описанной ситуации**.

Вариант первый. Гражданский законодатель *в контексте возникновения* у фигуранта **единичного права** представляет его в норме как **право лица самому совершить описанное (определенное) действие**. Ярким примером такого права является установленное в ст. 717 ГК РФ¹ право заказчика в любое время до сдачи ему результата работы отказаться от исполнения договора. Нормы, содержащие такое право, традиционная доктрина называет **управомочивающими**.

Вариант второй. Гражданский законодатель представляет в норме **право одного фигуранта** ситуации как **его права требования к другому фигуранту совершить описанное действие**, одновременно устанавливая **обязанность последнего совершить требуемое действие**.

Классическим примером такого права, именуемого в доктрине термином «*право требования*», является право стороны поименованного договора (например, займодавца) требовать от другой стороны (например, заемщика) своевременно возратить сумму займа, которое обозначается законодателем в ст. 810 ГК РФ через указание на обязанность заемщика возратить сумму займа.

Описывая в норме единичное право требования, законодатель тем самым, с логической точки зрения, обозначает соответствующую обязанность и наоборот. Поэтому он не повторяется, указывая или на право требования, или на обязанность фигуранта совершить требуемое действие. Норма, содержащая связку «право требования – обязанность», называется **обязывающей**.

Вариант третий. Законодатель, определяя *правовое последствие* некоторой ситуации, указывает на то, что *некий фигурант не имеет права совершать описанное действие*,

и, таким образом, говорит о *праве совершать действие* в контексте **его отсутствия у определенного фигуранта**.

Ярким примером такого правового последствия является указание в п. 1 ст. 615 ГК РФ на то, что *арендатор не вправе* пользоваться арендованной вещью *иначе, чем* в соответствии с условиями договора или *иначе, чем* по ее назначению.

¹ «Гражданский кодекс Российской Федерации» от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

Традиционная доктрина называет *последствие* в виде лишения фигуранта ситуации *права совершать некое действие **запретом***, а норму, содержащую такое последствие, *запрещающей*.

Вариант четвертый. В текстах многих норма гражданского права можно обнаружить, как законодатель, определяя правовое последствие некоторой ситуации, указывает на *возникновение у конкретного фигуранта величайшего по своей значимости и глубине содержания субъективного права – **права собственности на принадлежащую ему вещь***. О верности этого тезиса свидетельствует факт наличия в отрасли гражданского права *института*, именуемого «Право собственности», в нормах которого законодатель определяет основания возникновения, содержание и порядок осуществления субъективного права собственности.

Примером отмеченного выше варианта правового последствия служит норма абз. 1 п. 1 ст. 233 ГК РФ, где законодатель, по сути, заявляет: «У лица, нашедшего клад на земельном участке, собственником которого является *другое* лицо, на этом основании *возникнет право*, которое я описываю как *одна вторая в **праве собственности на клад***».

Еще один пример. Логический анализ абз. 1 п. 2 ст. 218 ГК РФ позволяет умышленно заключить, что законодатель в качестве одного из последствий ситуации заключения *договора купли-продажи* определяет

одномоментное *прекращение* у продавца и *возникновение* у покупателя **права собственности на проданный товар**.

4.3. Предмет и метод гражданско-правового регулирования в пространстве анализа законодательного высказывания.

Знание того, о чем говорит законодатель в тексте единичной нормы права, соединенное с пониманием, что, выстраивая такой текст, **законодатель занимается регулированием**,

позволяет, с одной стороны, определить, **что** он регулирует (*предмет* регулирования), а с другой стороны, осознать, **каким образом** он регулирует этот предмет (*метод* регулирования). Здесь порассуждаем.

Замечание о предмете регулирования. Если высказывание, формулируя которое, законодатель занимается регулирующей деятельностью, начинается со слов «**Если случится описанная в норме фактическая ситуация ...**»,

значит, именно *эта ситуация* выступает *предметом* нормативного высказывания, и, значит, *ее он и регулирует*.

Таким образом, описанная в норме **фактическая ситуация образует предмет законодательного регулирования**.

Замечание о способе законодательного регулирования описанной ситуации. Анализ второй части нормативного высказывания, где законодатель говорит о том, **что будет**, если случится описанная ситуация, **какие правовые последствия наступят**, позволяет ответить на вопрос, **как он ее регулирует**.

Гражданский законодатель, регулируя описанную в норме ситуацию, *объявляет ее **основанием** наступления отмеченных выше правовых последствий* и, в частности, *объявляет ее **основанием возникновения***

у одного фигуранта ситуации **права требования**, а у другого – **обязанности** совершить требуемое действие.

4.4. Выход на категорию «правоотношение». Дальше нетрудно умозаключить, что **данный вариант последствий** (именно данный)

а) не может осознаваться **вне связи** фигуранта – обладателя *права требования (Ф1)* и фигуранта – носителя *обязанности совершить требуемое действие (Ф2)*,

б) т. е. существует в *пространстве отношения между ними*, которое и называется **правоотношением**.

Другими словами, анализ установленного гражданским законодателем в результате регулирования описанной в норме фактической ситуации *последствия в виде возникновения у Ф1 права требовать от Ф2 совершить определенное действие*

с логической необходимостью выводит на **отношение между Ф1 и Ф2**, которое и есть **правоотношение**.

4.5. Детали выведения категории «правоотношение» из единичного права требования. Подумаем дальше над логическими деталями, которые объясняют, как из *единичного обязательственного права требования* образуется *обязательственное правоотношение*, т. е. отношение между правообладателем (кредитором) и обязанным (должником).

1. Правоотношение как состояние ожидания. Очевидно, что *единичное право требования* имеет **контекстную природу**, потому что, выступая последствием урегулированной гражданским законодателем ситуации, например, ситуации заключения договора займа, **описывается им** в единичной норме.

И чтобы понять, какое **явление действительности** обозначается термином «*правом требования*», а заодно и выйти на правоотношение,

необходимо взять его *в контексте* нормативного высказывания, т. е. выделить текст, который содержит *описание единичного права требования*.

Ответ таков. Единичное право требования представляется в норме как **право одного фигуранта ситуации (Ф1) требовать от другого фигуранта (Ф2) совершения определенного (описанного в норме) действия к определенному сроку**.

К примеру, регулируя ситуацию заключения договора займа, законодатель описывает право займодавца как *право требования к заемщику возвратить сумму займа к определенному сроку*.

Дальше нетрудно умозаключить, что лицо (Ф1), у которого возникло право требования, находится **в состоянии ожидания своевременного совершения другим лицом (Ф2) требуемого действия**.

Вот определенное лицо во исполнение договора займа передало другому какую-то денежную сумму, и у него возникло право требования к заемщику. В какое положение он себя поставил? Он себя поставил **в положение ожидающего от заемщика возврата суммы займа**, т. е. оказался **зависимой стороной в отношении** с заемщиком по возврату долга.

2. Охраняемый законом интерес в действии другого как основа правоотношения. Между тем словесный оборот «состояние ожидания действия от другого лица» есть не более чем метафора, не имеющая отношение к юридической терми-

нологии. И если принять во внимание, что совершение заемщиком действия по возврату долга **удовлетворяет соответствующий интерес займодавца**, то напрашивается следующий **вывод**:

«Возникновение у займодавца *права требования к заемщику* означает возникновение у него ничего другого, кроме **охраняемого законом интереса в своевременном возврате заемщиком суммы займа**».

Очевидно, что правообладатель как носитель охраняемого законом интереса в совершении другим определенного действия может осознаваться только и исключительно как *сторона отношения с тем, от кого зависит удовлетворение его интереса*. Так что займодавец, не имеющий ничего, кроме *интереса в возврате долга*, обречен находиться с заемщиком в *обязательственном отношении* до наступления срока возврата.

3. Обязанность должника как производное от права требования кредитора. Если право требования займодавца представляет собой его *охраняемый законом интерес* в своевременном возврате заемщиком суммы займа, значит, действие по возврату **необходимо** для удовлетворения интереса займодавца.

Отсюда следует, что возникновение у займодавца требования как его законного интереса объективно ставит заемщика в положение лица, на котором лежит **необходимость удовлетворить интерес займодавца**. Гражданский законодатель именует такую необходимость **обязанностью**. Выходит, у некоего лица возникает обязанность совершить определенное действие тогда, когда есть другое лицо, имеющее право требовать от него совершения этого действия.

Так мы приходим к выводу о том, что **правоотношение** как отношение займодавца с заемщиком, в действии которого по возврату долга он заинтересован, есть отношение между обладателем **права требования** и носителем **обязанности его удовлетворить**.

4. Определенное действие как основа соответствия единичных права требования и обязанности. Стороны поименованного договора связываются в правоотношение через *то* право требования и *ту* обязанность,

а) которые имеют своим *предметом одно и то же действие*,

б) т. е. **то действие**, которое, с одной стороны, *реализует* право требования, с другой – исполняет обязанность.

Следовательно, возникшее на основании договора обязательственное правоотношение есть отношение, стороны которого (кредитор и должник) **по-разному относятся к действию, совершаемому должником**.

Займодавец относится к действию заемщика по возврату долга с точки зрения удовлетворения *своего охраняемого законом интереса*. Заемщик относится к совершению им действия по возврату долга с точки зрения удовлетворения *законного интереса займодавца*.

Данный вывод позволяет умозаключить, что, *описывая в норме единичное право требования* некоего фигуранта регулируемой ситуации **через описание требуемого** от другого фигуранта **действия**,

законодатель **тем самым описывает единичную обязанность** другого фигуранта. И наоборот.

Именно по этой причине во избежание многословия и повторов законодатель устанавливает в обязывающей норме

либо право Ф1 требовать от Ф2 совершить определенное (описанное) действие, либо *соответствующую* обязанность Ф2 совершить требуемое Ф1 действие.

Когда аналитик читает в п. 1 ст. 456 ГК РФ: «*Продавец обязан передать покупателю товар, предусмотренный договором купли-продажи*», он видит в этом тексте *корреспондирующее обязанности* право покупателя требовать от продавца передачи товара.

5. Обязательство как классический пример правоотношения. Пожалуй, единственное место в ГК РФ, где законодатель демонстрирует понимание правоотношения как связи лица, обладающего правом требования, и лица, несущего обязанность совершить определенное действие, представляет собой текст статей, в которых раскрывается *базовая категория цивилистики*, именуемая «**обязательство**».

И в п. 1 ст. 307 ГК РФ, и в п. 1 ст. 308 ГК РФ законодатель недвусмысленно заявляет, что обязательство является *двусторонним отношением*: на одной стороне, именуемой «*кредитор*», находятся лица, имеющие *право требования*, а на другой стороне, именуемой «*должник*», находятся лица, несущие *обязанность совершить в пользу кредитора определенное (требуемое) действие*. Так гражданский законодатель увидел в обязательстве *нормальное* правоотношение.

5. Критический анализ аксиом догматического учения о правоотношении. Разворачивая базовую догму о правоотношении и объясняя, *каким образом* норма права регулирует общественные отношения, ученые по традиции замечают: «Регулируя общественные отношения, норма права устанавливает (предоставляет) для одного участника этих отношений определенные полномочия или права, а на другого возлагает соотносящиеся с ними юридические обязанности» [1, с. 227].

Если проанализировать это суждение под углом зрения *новой парадигмы*, заключающейся в понимании *единичной нормы права как высказывания законодателя, являющегося результатом его регулирующей деятельности*,

то можно увидеть концептуальную картину под названием «*Как норма права регулирует общественное отношение*».

В этой *совершенно фантастической* картине можно выделить основные фрагменты, являющиеся, по сути, *аксиомами* догматического учения о правоотношении. Итак, по пунктам.

1. Вот в реальной жизни, говорят догматики, *объективно существует* некое фактическое общественное отношение, которое в силу своей природы может быть урегулировано нормой права. Пока же оно существует как неурегулированное.

2. Вот какая-то норма права обратила свое внимание на *неурегулированное отношение* и решила *заняться его регулированием*.

3. Сама возможность регулирования нормой права фактического отношения объясняется тем, что норма *содержит в себе юридические права и обязанности*.

4. Дальше, занимаясь регулированием, норма обращает внимание на *субъектов (участников)* фактического отношения, разделяет их на *две стороны* и одним участникам *предоставляет* права, а на других *возлагает* обязанности [2, с. 83].

5. В результате такого *воздействия* на существующее общественное отношение последнее *преобразуется в правоотношение* [3].

Теперь ответим по пунктам.

1. Методологическая бессмыслица регулируемого нормой общественного отношения. Фундаментальная, можно сказать, мировоззренческая ошибка традиционной доктрины заключается в том, что, объявив *фактическое общественное отношение* предметом исходящего от нормы права регулирования, она,

во-первых, постулировала *существование* в реальном мире такого объекта, как *фактическое общественное отношение*,

а во-вторых, определила *смысл* правового регулирования в идущем со стороны нормы *воздействии на этот объект*, в его практическом *преобразовании*.

Очевидная вульгарность такого взгляда подчеркивается пониманием, что

а) правовое регулирование – это *деятельность законодателя* по созданию текста нормы права,

б) в процессе которой *он высказывается* об определенной фактической ситуации,

в) *описывая* ее в тексте нормы и *придавая ей значение* основания определенных правовых последствий.

Если понимать правовое регулирование как деятельность по созданию текста единичной нормы, то выходит, что предметом регулирования выступает

а) *не* существующее как объект действительности *общественное отношение*,

б) а *определенная фактическая ситуация*, которая не существует на момент регулирования, а может случиться в будущем.

Следовательно, регулирование заключается не в воздействии законодателя на существующую ситуацию, а в ее описании и объявлении ее основанием наступления для фигурантов ситуации описанных в норме последствий.

Таким запечатленным в единичной норме высказыванием законодатель добивается *цели регулирования*:

всякая случившаяся в реальной жизни и определенная в норме фактическая ситуация будет основанием возникновения у лиц, оказавшихся обозначенными в норме фигурантами, последствий, которые описаны законодателем и конкретизированы условиями случившейся ситуации.

2. Снятие абстрактной беспредметности оборота «гражданские права и обязанности». Огульно, без какого-либо объяснения поместив гражданские права и обязанности в содержание нормы права и приписав последней мифическую способность отправлять их к фантомным участникам общественного отношения,

догматики по сути *убрали* из фундаментальных категорий «субъективное право» и «юридическая обязанность» *какое-либо содержание*.

На самом деле, если следовать новой парадигме, права и обязанности существуют в тексте нормы права в виде правового последствия регулируемой законодателем фактической ситуации, описанного им как возникновение у одного фигуранта ситуации *права требования*, а у другого фигуранта – *обязанности совершить описанное действие в пользу правообладателя*.

Так, вместо беспредметной абстракции «права и обязанности» мы получаем две парные категории: *корреспондирующие друг другу «право требования» и «обязанность совершить требуемое действие»*. Обе эти категории наполнены содержанием и отражают *отдельный объект действительности*, поскольку в реальной жизни *возникают у лиц*, оказавшихся фигурантами урегулированной законодателем ситуации. Возникают, значит, существуют.

3. О методологической бессмыслице правоотношения как единственного правового последствия. Догма, согласно которой норма права регулирует общественное отношение, заставила многих исследователей, как пишет В. А. Белов, сводить к понятию правоотношения «любые последствия правовой оценки общественных отношений» [4, с. 454].

Между тем размышление о правовом регулировании как о деятельности законодателя, имеющей своим результатом текст единичной нормы права, приводит к выводу о том, что

категория «правоотношение» осознается исключительно в контексте **обязывающей нормы**, как отношение между

а) *фигурантом* регулируемой ситуации, у которого возникло **право требования** к *другому фигуранту* совершить определенное действие, и

б) *последним*, у которого возникла **обязанность** совершить требуемое действие.

Правоотношение, таким образом, не обнаруживается в диспозициях ни *управомочивающей*, ни *запрещающей* норм. Соответственно, представления о том, что праву лица самому совершать определенное действие корреспондирует обязанность претерпевания, а в диспозиции запрещающей нормы содержится обязанность воздержаться от совершения определенного действия (так называемая пассивная обязанность), не выдерживают критики с точки зрения деятельностного подхода к норме права.

Ссылки

1. Марченко М. Н., Дерябова Е. Н. Теория государства и права: учебник для бакалавров. М.: Проспект, 2013. 432 с.

2. Алексеев С. С. Общая теория права Т. II. М.: Юрид. лит., 1982. 360 с.

3. Агарков М. М. ПРАВООТНОШЕНИЕ (гл. XII макета учебника по теории государства и права 1948 г.) // Вестник гражданского права. 2022. Т. 22, № 3. С. 145-181. EDN PEZBRQ.

4. Белов В. А. Гражданское право. Т. 1. Общая часть. Введение в гражданское право. М.: Юрайт, 2016. 622 с.